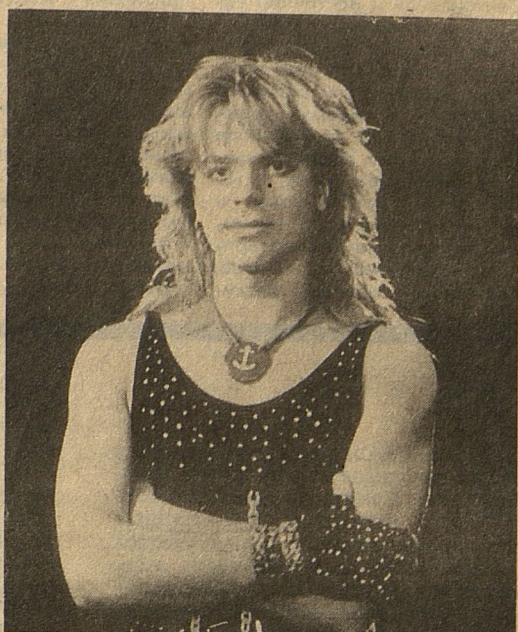

ИНТЕРВЬЮ

Сов. культура - 1990 - 30 июня - с. 6

Я — почитательница таланта В. Преснякова-младшего. Недавно мне удалось достать билет на концерт моего кумира в спорткомплексе «Олимпийский». Когда я попыталась пройти на сцену, чтобы вручить артисту букет цветов, мне это не удалось: в проходе уже сгрудились поклонницы, в основном юного возраста. Всю эту толпу «опекали» здоровенные верзилы с повязками на рукавах и с дубинками в руках. Ни в действиях, ни в выражениях они не стеснялись. Я ушла в зал. Сами понимаете, какое у меня было настроение.

Л. МАРЧЕНКО.
КРАСНОГОРСК.

Таланты и охранники

— Честно скажу, такое письмо для меня новость, — говорит Владимир Пресняков. — Правда, ваша читательница рассказывает о «верзилах с повязками на рукавах», то есть о дружинниках. А они подчиняются исключительно директору зала, где я выступаю.

— Но ты вмешиваешься в их работу!

— Иногда, особенно в небольших городах, мне приходится просить дружинников или милиционеров, чтобы они не вели себя так, как будто концерт происходит в колонии, а вокруг сидят преступники. Хуже всего бывает, если те, кто должен успокаивать слишком темпераментных зрителей сами же их и провоцируют. Но мне есть за что сказать дружинникам спасибо. Они помогли мне, когда после концерта в Евпатории машину, на которой я должен был уезжать, подняли на руки и понесли.

— А ты где в этот момент был!

— Так в машине же и сидел. Ты только не подумай, что я изображаю из себя капризную «звезду», которая устала от всеобщего внимания. Я очень рад, что мои песни нравятся, что девочки подносят мне букеты. Но во время концерта всякое может быть. Кто-то пытается попасть на сцену. Другим зрителям это мешает. И потом, вокруг меня — аппаратура, провода. Все под высоким напряжением. Нельзя по сцене просто так расхаживать.

— И что, бывали опасные ситуации?

— Опасные — нет, слава богу. Смешные были. Как-то раз один из зрителей проник на сцену, сорвал у меня с головы шляпу и уже готовился прыгнуть с нею в партер. Один из моих людей его на лету перехватил. Я понимаю, этому парню хотелось получить сувенир. Но я все же на концерт пришел не для того, чтобы шляпы раздирать...

— Вот теперь мы подошли к самому интересному — к «твоим людям». На сколько я знаю, на сцене обычно находится несколько человек, которые прямого участия в шоу не принимают.

— Да, у меня есть своя охрана. Эти люди числятся в штате (не буду рассказывать, как мне удалось это сделать). В них я уверен. Видишь ли, некоторые думают, что такого рода специалисты должны уметь, если понадобится, своротить челюсть, а большего от них не требуется. Но это совсем не так. Те, кто со мной работает, — действительно профессионалы. У них есть... такт, что ли, умение общаться с людьми и ориентироваться в любой ситуации. Хотя все равно, что бы ни происходило на сцене, окончательное решение принимаю я.

— Прежде чем встретиться с тобой, я побывала в спорткомплексе «Олимпийский». Мне кажется, достаточно обойти это здание, чтобы получить полную информацию о популярности ее нынешних «звезд». Стены исчерчены мелом, карандашом, углем, фломастером. «Томас». «Томас». Просто буква «Т». (Значит, не совсем потерял популярность гостивший у нас недавно Т. Андерс). «Женя». «Юра». «Андрей». «Жанночка!». Твоя фамилия одна из лидирующих по количеству надписей на квадратный метр стены. Очевидно, московская публика самая темпераментная, но одновременно и избалованная. Ничто ей не в новинку.

— Да, москвичи как бы говорят артисту: «Ну-ну, посмотрим, чем это ты нас сможешь удивить». Что же до провинции, то она очень разная. В одном городе зрители тихие, невозможно даже за-

комплексованные. В другом все наоборот: во время концерта бутылки летят на сцену. Это не значит, что в зале собрались хулиганы. Просто реакция у людей такая.

— Хорошенькая реакция. По-моему, это просто дикая невоспитанность. Но продолжим тему «концерт глазами артиста». Как выглядит зрительный зал, например, в том же «Олимпийском», с точки зрения человека, который находится на сцене!

— А я зал почти не вижу. На меня направлен свет прожекторов. По крайней мере отдельные лица мне точно не разглядеть.

— Значит, во время концерта ты существуешь сам по себе, без связи с залом!

— Нет, почему же. Во-первых, я слышу, как зрители реагируют на каждую песню. Во-вторых, просто чувствую это. Сейчас модно говорить о каких-то потоках энергии. Не знаю, что уж там на самом деле, но общее настроение зала я улавливаю очень хорошо. А уж потом, когда зажигают свет, я вижу, что мне протягивают цветы, что какая-нибудь бабушка весь концерт танцевала, и так далее.

— Выходит, на твои концерты ходят и бабушки тоже. А есть ли у тебя «свой зритель», для которого ты поешь и на которого ориентируешься!

— Нет. Несколько лет назад я только начинал и выступал вместе с Аллой Борисовной. Зал меня не принимал. Я это чувствовал и очень злился. Чтобы утешиться, думал: «Ну ничего, эта публика не для меня. Будь здесь парни и девчонки моего возраста, все пошло бы совсем по-другому. Вот для них я и буду петь». Потом я понял, что надо уметь завоевывать любую аудиторию.

— Какие у тебя планы на будущее!

— Участие в фестивале «Все звезды» в Великобритании, где собираются такие знаменитости, как «Роллинг Стоунз», Брюс Спрингстин, Элтон Джон. Это я говорю, чтобы похвастаться.

— Тебе не один раз приходилось выступать за рубежом. Совсем недавно из Монако ты привез «Золотой скрипичный ключ». Чем отличаются друг от друга мир западной эстрады и нашей? Я догадываюсь, что у них лучше техника и нет проблем с билетами из Нью-Йорка в Лос-Анджелес. Но это, наверное, еще не все!

— На Западе эстрада — это и искусство, и бизнес, производство, очень хорошо налаженное и приносящее большие доходы. Только у нас может быть огромный успех у зрителей — и при этом репетиции в каком-нибудь подвале, двести рублей за диски, расходящиеся миллионными тиражами, и работа не для денег, а для того, чтобы как-то себя выразить. Для западных деятелей эстрады все это совершенно непривычно. И мне кажется, что это им в нас очень нравится.

— Ты бы хотел, чтобы и у нас были такие же порядки, как на Западе!

— Конечно. Наши артисты заслужили приличную жизнь.

— И тебе не жалко той атмосферы бескорыстия, преданности своему делу, о которой ты говоришь!

— А она куда не денется. Хорошо ли, плохо ли, но нас на ней воспитывали. Нужно очень постараться, чтобы ее уничтожить.

Е. ГОНЧАРЕНКО.

260